

Лена
КОРСИКА

Папа В РАЗВОДЕ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД!

Лера Корсика

**Папа в разводе. Добро
пожаловать в ад!**

«Литнет»

2026

Корсика Л.

Папа в разводе. Добро пожаловать в ад! / Л. Корсика —
«Литнет», 2026

Бесплатно в процессе написания ♥#— Это мой дом! И мои правила! Какие, к черту, дети? — зло рычу на толпу баб, что меня окружает. — Хватит паясничать, Веденеев! Жить они теперь будут у тебя! Растерянно смотрю на этот детский сад и мысленно содрогаюсь. — Добро пожаловать в ад, папуля! Взрослая жизнь — это игра по правилам. Правила? Да я выучил их наизусть! Строишь карьеру — паши. Хочешь развестись — плати. Живешь один — наслаждайся тишиной. Вот только в мою размеренную жизнь прокрался Хаос! Он взорвал все детским смехом, запахом подгоревших яиц и надписью на двери: «Астарожна Дети!». ♥#властный герой - настоящий мужчина с характером ♥#неунывающая героиня с веселым нравом ♥#трое предприимчивых и озорных детей ♥#крыс-альбинос Морфей ♥#кот Бегемот ♥#ХЭ для всех, кто заслужил Книга участвует в Литмобе: «Папа в разводе»;

© Корсика Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Визуалы	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Визуалы.	21
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Когда играешь во взрослые игры и хочешь выиграть — блефуй, но соблюдай правила.

Я всегда это знал. Я строил свою жизнь по этим правилам: холодный расчёт, чёткие границы, законные схемы. И выигрывал. Пока однажды, погожим пятничным вечером в дверь не постучался Хаос...

Пять дней в клетке офисов, переговоров, звонков и цифр. И вот — свобода. Два дня. Мои законные выходные.

Я довольно насвистывал, шагая через двор собственного дома. Вдохнул полной грудью — запах скошенной травы, хвои, дерева.

Мой дом. Не дворец, конечно, но я был горд. Одноэтажный, из добротного кирпича, с широкой террасой, где так здорово сидеть летними ночами.

Я его строил, когда после развода нужно было вкладывать силы во что-то осязаемое, в дело, которое не предаст. Камень за камнем, провод за проводом. Он вырос, пока я впахивал сутками, строя параллельно другой проект — свой бизнес.

Теперь у меня одна из самых крепких строительных компаний в регионе. Мы возводим многоэтажки, а я живу здесь, в уютном пригороде, в тишине от суеты.

Предвкушение накатывало волной: диван, тишина, холодное пиво, может, старый добрый немецкий фильм... Никаких костюмов, только мятая футболка и треники. Никаких масок. Только я.

Окрик из приоткрытого окна пробил этот уютный мыльный пузырь, едва он успел сформироваться.

Я поморщился. Лиза.

Я сплю с ней уже полгода. В постели она, конечно, — огонь. Она красива, ухожена, вкусно пахнет. Светская львица, которая умеет подать себя.

Она хочет меня постоянно, и не только в постели. Она хочет, чтобы я *соответствовал*. Ее мир — это глянец, бренды, правильные рестораны и «нужные» люди.

Мой мир: контракты, стройки, прорабы, срывы сроков, Джамшуты. А после тяжелого дня — диван, телик и тишина.

Но без женщины, конечно, плохо. Да и не статусно. Я закрываю на ее капризы глаза. Пока что.

После первого брака я хлебнул сполна: наивная вера в «долго и счастливо», которая обернулась судом, склоками и годами, когда я не мог видеть собственную дочь.

Ее мать тогда пустилась во все тяжкие, слонялась с какими-то сомнительными типами по ретритам, психологическим практикам и прочей ереси, а я... я перестал даже вникать. Сердце окаменело, чтобы не разбиться окончательно.

Забрать дочь подальше от горе-мамаши было некуда — сам жил то на стройке, то у родителей, пахав по двадцать часов в сутки.

Я толкнул тяжелую входную дверь. Тут же раздался высокий, пронзительный голос Лизы. Она явно нервничала, говоря по телефону.

— ...и смотрит на меня как на пустое место! Я не потерплю такого хамства в *своем* доме!

Лиза стояла посреди гостиной, вся напружинившись, как гончая на стойке. На ней был тот самый шелковый комплект, который она надевала по особым случаям, когда хотела от меня чего-то добиться.

Увидев меня, она мгновенно перестроилась. Гнев испарился, черты лица смягчились, губы сложились в обиженно-сладкую дугу. Она подошла, обвила мою шею, прижалась. Ласти-

лась, словно кошка, которая только что драла обивку дивана, но теперь мурлыкала, требуя молока.

– Дорогой, наконец-то. Я тут просто в шоке, – голос стал сиропным. – Твоя Галина Петровна... Я ей вежливо указала, что пыль на панелях в гостиной осталась, а она на меня взглянула и вообще не отреагировала! Вышла вон. За что ты ей только платишь? Нет бы, уж извини, сначала тебе ужин приготовила, а потом себе полы терла!

Я снял пиджак, повесил на вешалку. Лицо застыло каменной маской. Усталость накрывала с головой.

– Галина Петровна – подруга моей матери. Она помогает мне с хозяйством уже много лет, с тех самых пор, как я сюда въехал. Я ее работой полностью доволен. Не обижай ее.

– А она меня обижать значит может? – в голосе снова зазвенел металл. – Я же здесь хозяйка, в конце концов!

– Ну, хватит уже, – отрезал я, проходя на кухню. – Есть что пожрать?

Она засеменила следом, шелк зашуршал.

– Так она же не приготовила! Я же говорю!

Я остановился и медленно повернулся к ней.

– А ты что же, *хозяйка*?

Она замерла, пойманная врасплох.

– Ну... Я... Недавно только приехала, не успела. Могу доставку заказать. Из того нового итальянского, помнишь, мы там с тобой...

– Это слишком долго. Пока сюда доvezут, я с голоду сдохну.

Раздражение клокотало где-то за грудиной. Нужно было успокоиться, чтобы не наломать дров. Подошел, сграбастал ее под ягодицы, жадно вдохнул аромат ее тела.

— Ну кинь что-нибудь на сковородку. Яйца там... Иначе я тебя съем.
 Лизка сразу же кокетливо захихикала. Вот уж чего не отнять у чертовки...

Я поднялся наверх, в спальню. Сбросил с себя офисный костюм. Надел то, чего ждал весь день: удобную, любимую футболку с выцветшим логотипом какого-то пивного фестиваля и потертые спортивные штаны. Блаженство.

Спускаясь вниз, я уловил запах. Не аппетитный аромат съестного, а резкий, горький – запах подгорающих яиц и перекаленного масла.

Уголок губ сам собой дернулся. Ирония судьбы. Барышня, ведущая блог о правильном питании, не может справиться с банальной яичницей.

Я уже направлялся на кухню, на ходу представляя, как буду есть эту подгорелую подошву, чтобы Лизку не обидеть, как в дверь позвонили.

Резко, настойчиво.

Лиза выскочила из кухни. На лице – смесь удивления и любопытства.

– Кто это в такой час? Пойду оденусь.

– Не знаю, – пробурчал я, направляясь к двери. – Не жду никого.

Я распахнул дверь. И застыл.

Глава 2

Воздух с улицы, прохладный и влажный, хлынул в прихожую.

— Алина?

— Ну, привет, папаша. Помоги мне вещи из такси забрать.

Алина. Но не та Алина, которую я видел в последний раз: милая девчушка, обнимающая косоногого зайца.

Передо мной стоял подросток с прямым, вызывающим взглядом. Маленькая, хрупкая, но вся собранная в тугую пружину. Ее когда-то белокурые волосы были вытравлены до цвета белого неестественного парика, мертвенно-пепельного. Лицо намазано плотной бледной тоналкой, отчего оно напоминало лицо Пьеро – кукольное, безжизненное, с резкими черными точками глаз.

Она переступила порог, не дожидаясь приглашения, и поставила на паркет клетку с белой, огромной крысой, которая уставилась на меня умными черными бусинами глаз.

Я немного растерялся. — Вещи?

— Да. Жить у тебя буду. Сюрприз, — она бросила быстрый, оценивающий взгляд на интерьер, пропустив мое лицо. — Где моя комната?

— В смысле? — голос мой звучал глупо даже для меня самого. — Мне... Таня не звонила, ничего такого не говорила...

— Да в коромысле! — вырвалось у нее с таким знакомым, тоскливым раздражением, что сердце ёкнуло.

— Не груби, — сказал я тихо, но твердо. Терпение, и так уже истощенное, дало первую трещину.

В этот момент на пороге гостиной возникла Лиза. Высокая, смуглая, холеная. Каждая деталь — от идеально уложенных темных волос до маникюра на пальцах ног в дизайнерских тапочках — кричала о вложенных средствах и усилиях.

В ее позе и взгляде читалось чистейшее любопытство, приправленное легкой паникой.

— Ой, а это кто, Давид?

Алина медленно обернулась, окинула Лизу взглядом от маникюра до тапочек. В ее глазах вспыхнуло холодное презрение.

— Это его новая головная боль. А ты кто? Живешь с ним? Мне тебя называть «мамуля»?

— Ты что себе позволяешь, девочка?! — вспыхнула Лиза. — Я подруга твоего отца!

— А я его дочь. Кровная. Слышала про меня? Или он тебе про меня не рассказывал?

— Могла бы и позвонить предупредить, что нагрянешь с... с этим зверинцем!

— Зверинец — это ты про свою жизнь? Понятно.

Девки начали приревновать, словно на базаре. Словесная перестрелка нарастала. Крыса в клетке зашелестела опилками. У меня зазвенело в ушах.

Всё, чего я хотел — тишины, покоя, своего дивана — рухнуло в одно мгновение.

— Хватит! — рявкнул я так, что обе замолчали, уставившись на меня. — Лиза, иди на кухню, яйца там подгорают. Алина, стой здесь. Не двигайся.

Я выскользнул за дверь, на воздух. У таксиста, кутившего у открытого багажника, был вид философа, наблюдающего за абсурдом жизни.

Я молча выгрузил две довольно приличные, потертые сумки. Полквартиры она чтоли с собой притащила? Неужели надолго?

Таксист молча кивнул, сел за руль и уехал. Я остался стоять посреди своего двора с этим багажом чужой, внезапно обрушившейся на меня жизни.

Ничего не понимал. Сердце бешено колотилось.

Рука сама потянулась к телефону в кармане треников. Набрал номер бывшей. Ее номер. Тот, который я годами не набирал, вычеркнув его из памяти, как и все, что с ней связано.

Воспоминания нахлынули, едва раздались длинные гудки в трубке.

Таня.

Наш брак с самого начала пошел не по плану. Мы учились вместе. Она залетела. Я на ней женился. Но после рождения Алины, жену как подменили. Я впахивал за двоих, уставал. Она же закрывалась все больше, отгораживаясь от меня и от этого мира. Все по сектам каким-то ходила. Шли годы, и в какой-то момент мы стали совершенно чужими друг другу людьми.

А после развода она не просто ушла – она возвела наше прошлое в культ страдания! Ей было мало просто быть несчастной. Нужно было осмыслить, возвысить это, уйти в бесконечные «ретриты», «духовные практики», найти свой «дзен».

А наш брак, наша якобы токсичная связь, моя «тирания» – стали для нее темным фоном, от которого она так героически отталкивалась. Пока она медитировала и искала просветления в ашрамах и на дачах у таких же, как она, «искателей», мирское – вроде дочери, школы, бытовых, родительских собраний – ее не интересовало.

Я предлагал помощь, хотел участвовать, но каждый раз наталкивался на стену из обидных, заученных фраз о «кармических уроках» и «энергетических вампирах». Я был назначен главным вампиром.

Со временем я просто перестал вникать. Слишком больно было биться головой об эту стену. Я окаменел, чтобы выжить. Вложил всю боль, злость и оставшуюся энергию в бизнес, в этот дом. В реальные, осязаемые вещи.

А Алина росла там, в этой мишуре из полумистической ереси и бытового бардака. Мать годами настраивала ее против меня.

Я был для Алины абстрактным монстром, источником всех бед ее матери. Типичным, конченным уродом, который бросил их ради денег.

Общения практически не было. Только редкие, натянутые встречи под присмотром Тани, где Алина смотрела в пол и отвечала односложно.

А теперь... взрослая дочь в моем доме. Сама приехала. С сумками. С крысой какой-то. С вызовом во взгляде. Похоже, она выросла и поняла, что жизнь с такой долбанутой мамашей – не сахар. И выбрала меня. Монстра. Тирана. Пустоту. Это как же ее надо было довести?

Трубку, наконец, взяли.

– Алло? – голос Тани был томным, расслабленным. На заднем плане слышался приглушенный звук поющих чаш.

– Таня. Что происходит? – мой голос прозвучал хрипло, без всяких приветствий.

– Давид? О, какой сюрприз... – в ее интонации не было ни капли удивления.

– Алина у меня. С вещами. Объясни.

Тишина длилась какое-то время.

– Она сделала свой выбор, Давид. Ей нужно пройти свои уроки. С тобой. Это ее карма. Я... я отпустила ее с любовью. Не держу. Она переросла ту энергию, которую я могу ей дать.

Меня затрясло от бешенства. Как у нее все просто! «Уроки». «Карма». Она просто сбросила с себя ответственность, как всегда, прикрыв это красивыми словами.

– Ты не могла предупредить? Хотя бы за день?!

– Предупреждение – это привязанность к ожиданиям, Давид. Я живу в потоке. Алина тоже последовала за своим потоком. Будь с ней... ну, тем, кем ты можешь быть. Мир тебе.

Связь прервалась. Я стоял, сжимая телефон в руке, глядя на темные окна своего дома. Оттуда доносились приглушенные голоса: резкие нотки голоса Лизы и короткие, отрывистые, хлесткие фразы Алины.

Внутри был полный бардак. Ярость на Таню. Растерянность. Какая-то дикая, нелепая искра надежды, которую я тут же попытался задавить.

И ледяной, всепоглощающий страх. Страх перед этой чужой, взрослой девчонкой, которая была моей кровью, но.... Страх перед тем, что я не справлюсь. Что снова облажаюсь. Что мой уютный, предсказуемый мир, который я с таким трудом выстроил, рухнет как карточный домик.

Я глубоко вдохнул ночной воздух, поднял тяжелые сумки и пошел обратно в дом. Навстречу хаосу.

Глава 3

Я вошел в дом, хлопнув дубовой дверью. Казалось, сам воздух в прихожей застыл, пронизанный шипящей перепалкой из гостиной.

Я сделал шаг вперед, и их голоса оборвались. Обе обернулись ко мне: Лиза с маской возмущенной невинности, Алина с каменным, ледяным вызовом в глазах, похожих на застывшие ледяные лужицы.

– Прекратили обе. Это мой дом, – прозвучало тихо, но с той железной интонацией, что гасила любые споры на совещаниях. – Мои правила. Кого что не устраивает – выход там. – Я кивнул на тяжелую дверь за своей спиной. – Лиза. Проводи Алину в гостевую. Покажи ей, где ванная, полотенца, что там еще нужно. Все. И будь... гостеприимна.

Обе насупились, губы сложились в одинаковые капризные бантики недовольства, но ни одна не осмелилась возразить. Бунт был подавлен, но бунтари явно затаились.

Лиза, шумно вздохнув и поправив складку на домашнем костюме, двинулась к дубовой лестнице.

– Ну что ж, пойдем, – бросила она через плечо, не глядя.

Алина, не выпуская из рук клетки с белой крысой, дернула на себя одну из потертых сумок.

— Оставь, я принесу.

Ее взгляд, скользнувший по мне, был пустым.

Это будет непросто...

Я направился к бару – массивной стойке с подсветкой, где бутылки стояли ровным строем. Рука сама потянулась к «Гленфиддиху» десятилетней выдержки, с его обещанием тепла и забвения. Пальцы уже обхватили хрустальную пробку, как в кармане треников резко вибрируя, зазвонил телефон.

Пятница. Глубокий вечер. В моей голове автоматически отсеялись все возможные варианты: друзья знают мой график и не станут тревожить, подчиненные имеют право звонить только в случае тотального краха. Значит...

Виски так и остался нетронутым в бокале.

Незнакомый номер. Я нажал ответить, предчувствуя гадость.

— Давид Сергеевич? — старческий, дрожащий голос, который я с трудом узнал. Соседка с первого этажа, баба Зина. Та, что вечно ворчала. — Ты где сейчас?

— Зинаида Петровна? Что-то случилось?

— У нас тут... пожар! В доме! Всю лестницу дымом затянуло, сирены, все на улице... — она захлебнулась кашлем. — Нас всех выставляют! Прямо в пижамах. Пожарные...

Холодная тяжесть опустилась в желудок.

— Где горит? Конкретно где?

— Да над вашей-то! Прямо над квартирой вашей! — она с грустью прошамкала. — У этих Петровых... алкашей! Я же говорила, они себе и всем голову сломают! Теперь и вашу жилплощадь под себя пустили!

В голове пронеслось: та самая запойная семейка. Пожар? Над моей квартирой. Вот же черт!

— А что там квартиранты мои? — спросил я, уже представляя худшее.

— Да она там, с пожарными, наверное. Кошку спасала, вот и надышалась! А детки ее... у меня сидят, в подъезде, на чемоданах. Перепуганные. Ты, Давид Сергеевич, приезжай, милок. Разберись тут. Я-то что... Я сама не своя.

«Разберись».

Легко сказать. Я стоял посреди гостиной, в километрах от того горящего ада, и чувствовал, как трещит по швам не только мой вечер, но и какая-то последняя опора. Сначала дочь. Теперь пожар. Будто сама судьба решила за ночь проверить, на что я еще способен.

Из приоткрытой двери донеслись голоса, заставившие меня на мгновение замереть.

— Ты что эту крысу еще и выпускать вздумала? Она разносчица заразы! Ты с ума сошла?

— Если надо будет, и отпущу!

— Это мой дом, ты тут временно и не лезь не в свое дело! — шипела Лиза, ее голос резанул по нервам. — Это отца дом! А твое дело — это ходить тут, как павлин, и гадить на всех углах? — спокойно, с ледяной усмешкой в голосе парировала Алина. — Клетка закрыта. Мой крыс Морфей спит. А вот твоя истерика его точно разбудит. Тогда побегает. Честное слово.

Я сжал телефон так, что тот хрустнул. Эти двое успели начать войну на моей территории, пока я отвернулся всего на пару минут.

Я понимал слишком хорошо. Понимал, что сейчас в моей жизни рушится всё, что можно. Понимал, что в доме меня ждет скандал, а в городе — пепелище.

И что убежать не получится — придется прорываться сквозь оба этих огня.

— Ладно, — хрипло сказал я бабе Зине. — Еду. Сейчас выезжаю.

Я сбросил вызов, взял куртку и вышел в ночь.

Завел мотор. Глушитель рявкнул в ночной тишине, будто выдохнув за меня всю ярость и бессилие. Перед тем как включить передачу, я с силой ударил ладонью по рулю.

«Разберись». Ладно. Сначала — с пожаром. Потом... потом вернусь и разберусь со всем остальным.

Визуалы

**Всем привет!
 Вот так историю я придумала! Горе-папаша, похоже, попал, так попал!**

А нечего балдеть! Пусть тоже немного пострадает!

А мы посмотрим, как он будет выкручиваться!

Знакомьтесь!

Давид Сергеевич Веденеев, 35 лет, в разводе.

Владелец строительной фирмы и счастливый обладатель собственного дома.

После развода с головой ушел в работу. Мечтает о покое, но жизнь постоянно подкидывает ему проблемы. Суровый, уставший, но внутри — борец.

Елизавета Попова, 33 года, но всем говорит, что 28! Не замужем, мечтает стать хозяйкой всех благ Веденеева.

Подруга Давида. Красивая, ухоженная, привыкла к роскоши. В доме Давида ведет себя как хозяйка, но настоящей хозяйкой не является. Любит скандалить и командовать.

Алина Веденеева, 14 лет.

Дочь Давида. Сбежала от матери, которая дома толком не бывает, к отцу, которого раньше считала чуть ли не монстром. Преследует свои определенные цели.

За словом в карман не полезет. Не грубит впустую, но ее тихие фразы бьют точно в цель. Единственный друг — белая крыса Морфей. Настроена цинично и настороженно.

"А остальные дети откуда?" -- спросите вы. И будете правы.

Еще сегодня утром у горе-папашы Веденеева не было ни одного!

А теперь целый выводок! Ох, и зададут же ему жару! Столько лет отдыхал!

Пусть теперь прочувствует все радости отцовства на собственной шкуре!

Не пропустите новую историю!

**Благодарна за ваши звездочки, библиотеки, репосты, наградки!
 На старте это ух как супер важно!!! Спасибо!! Вы лучшие!**

Глава 4

Я мчал по ночной трассе, выжимая из двигателя все, что можно. В голове стучала одна мысль: *«Горит. Над моей квартирой. А там эта женщина с детьми!»*.

И тут же — гнусное уточнение от мозга: *«А кто она тебе, собственно? Арендаторша. Та самая, на которую ты тогда гаркнул...»*

Да, был такой случай. Месяца два назад. Она звонила, что-то жаловалась про шум, про пьяные крики сверху. А у меня тогда как раз сорвалась крупная сделка. Я был зол на весь мир, уставший до тошноты, и в трубку рявкнул: *«Не нравится — съезжайте!!»*

Она не сказала ни слова. Просто бросила трубку. Вот и все наше общение. После этого она платила исправно, больше не звонила. Идеальная арендаторша, что уж...

А теперь из-за этих соседей-алкоголиков, на которых я тогда махнул рукой, горит *ее* дом, ну и мой... И там двое ее детей. Маленьких, если я правильно помню из договора. И она, наверное, считает меня последним козлом.

Что, в общем-то, справедливо.

И я за них теперь в ответе. Не юридически, конечно. А по-человечески? Черт его знает. Но точно материально. И морально, потому что я собственник этого ада.

«Да что за чертов день!» — выругался я вслух, ударив по рулю. Сначала дочь-готка с крысой этой. Потом истерика Лизы. Теперь пожар. Будто кто-то сверху решил за одну ночь протестировать меня на прочность по всем возможным фронтам.

«Когда же это, наконец, закончится?»

Я свернул в знакомый район. Еще за пару кварталов увидел зарево — неяркое, рваное, отражающееся в стеклах соседних домов. И мигалки. Много мигалок — пожарные, МЧС, полиция. Воздух пропах гарью, едкой и противной.

Я втиснул машину за ограждение «скорой», выскочил и побежал к своему дому. Дым валил из окон третьего этажа — как раз над моей квартирой.

Квартирантов своих сразу нашел. На лавочке у подъезда, под присмотром той самой бабы Зины, сидела знакомая девушка, плотно завернутая в пожарное одеяло. Рядом прижались двое детей — мальчик лет десяти и девочка помладше, в куртках, надетых поверх пижам. Олесья сильно кашляла, ее тело содрогалось при каждом приступе.

Олесья. Так, кажется, ее звали. Она смотрела на горящее окно, и лицо ее в мигающем свете машин было пустым, как выгоревший лист бумаги.

Я подошел, и она медленно перевела на меня взгляд. Не было в нем ни упрека, ни злости. Была только опустошенная усталость.

— Давид Сергеевич, — тихо сказала она, и голос звучал хрипло от дыма. — Вы приехали.

Я кивнул, не зная, что сказать.

— Они... в порядке? Не пострадали?

— Испугались. Но мы успели выбежать, пока дым не заполнил все. — Она потянула одеяло на плечи ребенка. — У нас все... все там осталось. Все.

В ее голосе не было истерики. Была тихая, леденящая констатация факта. И от этого стало еще гаже.

Ко мне подошел пожарный, старший по званию.

— Вы хозяин квартиры на втором этаже?

— Да.

— С вами и соседкой можно? Кратко по ситуации.

Я еще раз взглянул на Олесью, на ее детей, которые смотрели на меня большими, недоверчивыми глазами. Над нами чадило и дышало жаром то, что еще утром было просто недви-

жимостью. А сейчас стало проблемой, трагедией и грузом ответственности, который я на себя взвалил, сам того не желая.

День, черт бы его побрал, явно не собирался заканчиваться. Он только перешел в новую, еще более разрушительную фазу.

Когда я вернулся, Олеся попыталась встать, но не смогла. Голос был хриплым, сдавленным.

— Тут такое дело... Меня, наверное, забрать в больницу хотят. А мы здесь совсем одни в этом городе. Никого у нас нет. И что делать — не знаю...

Она говорила быстро, скомкано, почти шепотом, бросая испуганные взгляды на суетящихся поблизости медиков.

— Я боюсь... органов опеки. И что детей у меня заберут. Или муж... муж их отберет. Приютите моих детей. На один день. Меня завтра выпустят, и я вас больше не побеспокою, вот только найду нам жилье новое... — она закашлялась снова, смахивая слезы. — Ох... там все наши вещи...

Я стоял в ступоре. Смотрел на детей. Мальчик и девочка. Маленькие, глаза огромные от страха и усталости.

«Я не могу. Я не готов. Я — что, детсад? Куда я их? Вон пусть с соседкой остаются», — промчалось в голове, и я машинально посмотрел на бабу Зину. Она сидела, качая головой, растерянная и беспомощная. Совсем старенькая. Детей ей не оставишь. Это даже я понимал.

В этот момент к нам подошли двое медиков с носилками и полицейский.

— Зачем вы сбежали из машины? — строго обратился фельдшер к Олеся. — С такими симптомами интоксикации? А ну, марш назад. Мы отъезжаем.

— Дети... — прошептала она.

Полицейский перевел взгляд на меня, потом на детей.

— Это ваши дети?

— Мои! — выдохнула Олеся, хватая меня за рукав. — Они остаются с ним!

Сотрудник уставился на меня, оценивая.

— Кем детям приходиться?

Мозг завис. Я открыл рот, но слова застряли. Олеся, сжимая мою руку конвульсивно, выдохнула прямо мне в лицо:

— Он их... отец!

Глава 5

В глазах полицейского мелькнуло понимание, сменившееся деловым равнодушием. Он кивнул фельдшерам.

— Все ясно. Забирайте пострадавшую. Дети с отцом остаются.

Они быстро и ловко посадили Олеся на носилки. Она не сопротивлялась, только смотрела на меня, и в ее взгляде был уже не испуг, а какая-то обреченная мольба. Потом она закрыла глаза.

Носилки понесли к «скорой». А я остался стоять посреди ночи, в запахе гари, под ледяным дождем мигалок. Рядом со мной — двое чужих, тихо плачущих детей.

Я повернулся к ним в немом шоке.

Что мне с ними делать? Куда их девать?

В голове пронеслось: Лиза меня убьет. Даже хуже — она просто не пустит нас на порог. Алина добавит свой фирменный ледяной комментарий. А Галина Петровна молча соберет вещи и уйдет, потому что на такое даже она не подписывалась.

Я открыл рот, чтобы сказать что-то вроде: «Так, погодите... Это какая-то ошибка...», но в этот момент девочка всхлипнула.

Тихо, жалобно, как-то даже по-щенячьи. Потом еще раз. И еще. И вдруг разрыдалась — громко, навзрыд, всем маленьким телом, заходясь в кашле и слезах.

Я опешил. Совсем.

Я повернулся к соседке в немом шоке.

Что мне с ними делать? Куда их деть? Но слова застряли в горле. Та смотрела выжидающе, словно с издевкой, мол, спасуешь или нет, «герой»?

Я открыл рот, чтобы сказать: «Так, погодите, тут какая-то ошибка...», но в этот момент девочка всхлипнула.

Я смотрел на нее и не знал, что делать. Руки висели как плети. В голове — вата.

Мальчик дернул меня за рукав куртки. Ему лет десять, смотрит исподлобья, но губы дрожат.

— Дядя... Мама сказала. Вы нас не бросите?

Девочка все плакала. Я вдруг заметил, что у нее даже нос замерз — на кончике красный, холодный. Она маленькая совсем. Четыре, может, пять. В пижамных штанишках, в чужой взрослой куртке поверх. И руки голые, ледяные уже, наверное.

Я не знаю, что дернулось внутри. Что-то сломалось. Я наклонился и подхватил ее на руки.

Она легкая. Пушинка. Все ее тельце содрогалось от рыданий, и она вдруг обхватила меня за шею маленькими ручками. Пальцы у нее были ледяные — впились в воротник моей куртки и не отпускали.

— Ты... теперь наш папа? — спросила она в мое плечо, шепотом, сквозь слезы.

И меня передернуло. Резко, будто током.

— Да, — сказал я хрипло. — За него побуду... Недолго.

Повернулся к мальчику:

— Быстро в машину! Продрогли совсем!

Он кивнул, схватил какой-то пакет, который им сунула баба Зина, и побежал следом.

Я наклонился, усаживая девочку на заднее сиденье. Запахнул на ней свою куртку, пристегнул ремень. Мальчик забрался сам, хлопнул дверью.

— Дядя папа, а мы куда? — спросила она тихо, шмыгая носом.

Я замер.

— Ко мне. Домой.

Обошел машину, сел за руль. В зеркало заднего вида — два испуганных лица. И тут до меня дошло.

— Твою ж... — я осекся. Ни одного детского кресла. Ни бустера. Ничего.

— Дядя, а долго ехать? — подал голос мальчик.

Я выдохнул.

— Минут сорок. Только... — я обернулся к ним. — Будете сидеть смирно? Ремни не расстегивать. Вообще.

Оба кивнули. Я завел мотор.

Проехали квартал. Потом еще один. Девочка возилась на сиденье, пытаюсь устроиться поудобнее. В зеркале заднего вида мелькнуло ее серьезное, зареванное лицо.

— Дядя пап, а у тебя дома есть кошка? — спросила она сонно.

Я сжал руль.

— Слушайте... — начал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Можете меня так не называть? Я не ваш настоящий папа. Зовите меня Давид. Или дядя Давид. Договорились?

В машине повисла тишина. Девочка смотрела на меня в зеркало большими глазами. Мальчик отвернулся к окну.

— Ладно, — сказал он тихо, не оборачиваясь. — Дядя Давид.

Девочка ничего не сказала. Только шмыгнула носом еще раз и уткнулась в воротник моей куртки, которую я на нее накинул.

Я включил печку на полную. Девочка уснула через десять минут. Мальчик всю дорогу смотрел в окно и молчал. А я смотрел на дорогу и пытался не думать о том, что сейчас скажет Лиза, увидев нас на пороге.

И почему слово «дядя Давид» резануло меня сильнее, чем «дядя папа».

Я снова поймал их в зеркале заднего вида. Два маленьких силуэта на заднем сиденье.

И вдруг меня накрыло.

Я ведь всегда хотел большую семью. Честно. Лет пятнадцать назад, когда мы только поженились с Таней, я представлял себе дом, шум, детский смех, этих мелких, бегающих по газону... Думал, будет трое. А лучше четверо. Чтобы шумно, чтобы тесно, чтобы жизнь кипела.

Не сложилось.

Таня сперва смеялась и отмахивалась. Тогда она еще была нормальной. А как родилась Алина — и Таня как будто насытилась. «Одного достаточно, зачем нам еще, я устаю». А потом пошло, поехало. В итоге мы развелись, и она просто вычеркнула меня из жизни дочери. Годы, когда я мог бы быть отцом, превратились в редкие, натянутые встречи раз в полгода. Я перестал бороться. Просто заморозил все чувства где-то глубоко внутри.

А теперь я ехал и вез чужих детей. Девочка спала в моей куртке. Мальчик молча смотрел на трассу, доверившись незнакомому мужику, которого мать назвала «папой». И я понимал, что впервые за много лет в моей машине на заднем сиденье — дети. Мои? Не мои? Какая разница.

Я может и хотел семью. Просто не получилось.

Женщины попадались все не те. Таня — с ее духовными поисками и вечным побегом от реальности. Потом еще пара отношений — одна считала, что я слишком много работаю, другая — что мало зарабатываю. Лиза... Лиза хотела семью, меня, но не детей. Она хотела статус, кольцо на пальце, фотографии в соцсетях. А чтобы сопливые, чумадые, с ледяными руками и доверчивыми глазами — такого пункта не было в ее дизайнерском сценарии.

Я вздохнул, перестраиваясь в правый ряд.

И вдруг поймал себя на мысли: если бы я тогда, в первом браке, настоял? Если бы не сдался, не ушел в работу с головой, не заморозился? У меня сейчас могло бы быть трое. Как раз трое.

В зеркале заднего вида сопела девочка. Мальчик зевнул, прикрыл глаза.

Я включил поворотник.

— Долго еще? — сонно спросил он, не открывая глаз.

— Минут двадцать.

Он кивнул и тоже начал клевать носом.

Остаток пути я ехал молча, слушая их ровное дыхание. И впервые за долгие годы в груди шевельнулось что-то, чему я даже не сразу подобрал название.

Это был не страх. И не раздражение.

Кажется, интерес. Осторожный, почти забытый.

Я почти ничего не знал о детях. Чем их кормить? Как укладывать спать? Что они смотрят, во что играют, чего боятся?

Ничего. Абсолютный ноль.

Но трасса кончалась, впереди замаячили знакомые повороты. Мой дом. Моя крепость, которую сегодня взяли штурмом с трех сторон.

Я въехал во двор и заглушил двигатель.

— Приехали, — сказал я тихо, но сзади не раздалось и звука.

Мальчик открыл глаза, протер кулаком. Девочка даже не пошевелилась — спала, уткнувшись в мою куртку.

Пришлось нести.

Я вышел, открыл заднюю дверь, осторожно подхватил ее на руки. Легкая. Почти невесомая. Мальчик вылез сам, захватил свой пакет.

— Красивый дом, — сказал он, разглядывая фасад.

— Спасибо.

Я постоял секунду перед дверью. Что меня ждало за ней? К чему приведут такие кардинальные перемены в моей жизни? Я не знал.

Мальчик рядом тоже стушевался. Я приобнял парня за плечи, ободряюще подталкивая, и мы вошли.

Глава 6

Лиза не спала.

Она стояла в проеме гостиной, скрестив руки на груди, и вид у нее был такой, будто она застала меня за разделкой трупов на обеденном столе.

— Что происходит? — голос ледяной, с металлическим звоном.

Я придерживал девочку на руках, мальчик жался сбоку. Усталость навалилась такой тяжестью, что даже врать не хотелось.

— Так получилось. Попросили за детьми присмотреть.

— В смысле «так получилось»? — ее голос взлетел на октаву. — Ты с ума сошел, Веденеев? Почему у тебя так получается, а у меня — нет? Почему ты тащишь в дом всякий сброд?!

— Лиза. Прекрати.

— Я на такое не подписывалась! — выкрикнула она и, резко развернувшись, ушла в дальнюю комнату.

Хлопнула дверь.

Я остался с двумя детьми на руках. Прислуги в доме не было — Галина Петровна приходила только по вторникам и пятницам убирать и готовить еду. Сегодня была суббота. Я был совершенно один. Если не считать спящей где-то наверху Алины и хлопнувшей дверью Лизы.

Я прошел в гостиную. Кожаный диван, холодный и неудобный, поблескивал в полумраке. Надо бы застелить сначала, положить хоть простыню, но девочка спала на руках, доверчиво приоткрыв ротик, и будить ее было выше моих сил.

Ай, ладно.

Я развернулся и понес ее в свою спальню. Осторожно опустил на кровать, стащил с нее чужую куртку, накрыл пледом. Мальчик забрался сам, лег рядом с сестрой, свернулся калачиком.

— Спокойной ночи, дядя Давид, — пробормотал он в подушку.

— Спокойной, — ответил я.

Постоял секунду, глядя на них. Два маленьких темных силуэта на моей огромной кровати. Чужие. Но уже здесь.

Выключил свет, прикрыл дверь.

С Лизой идти объясняться не было никаких сил. Совсем. Пусть до утра злится, утро вечера мудренее. Хотя какое, нахрен, утро — уже третий час ночи.

Я рухнул на кожаный диван в гостиной, даже не раздеваясь. Куртку, помятую, пропахшую гарью, натянул вместо одеяла. Секунду полежал, глядя в темный потолок.

И провалился в черную, тяжелую пустоту без сновидений.

Разбудил меня плач.

Громкий, надрывный, взхлеб. Я подскочил на диване, не сразу соображая, где я и что происходит. Сердце колотилось где-то в горле.

Второй час ночи. Или третий? В доме было темно и холодно.

Плач доносился из спальни.

Я вскочил, пробежал коридор, толкнул дверь. Включил свет.

Девочка сидела на кровати, красная, зареванная, размазывала слезы кулачками. Мальчик проснулся, тер глаза, смотрел растерянно.

— Ты чего? — спросил я хрипло. — Что случилось?

Она посмотрела на меня огромными, мокрыми глазами, полными ужаса.

— Мама... где мама? — голос сорвался в новый рыдающий всхлип. — Я хочу к маме-е-е...

Я замер.

Мальчик тоже смотрел на меня. Не плакал, но губы дрожали.

— Мама в больнице, — сказал я как можно спокойнее, подходя ближе. — Ей там помогут, она поправится. Завтра... ну, сегодня уже... она приедет.

— Врешь! — выкрикнула девочка. — Ты не наш папа! Ты дядя! Ты чужой! Я хочу к маме!

Она разрыдалась с новой силой, заходясь в кашле.

Я стоял посреди спальни и не знал, что делать. Совсем. Я умел договариваться о многомиллионных контрактах, умел разводить подрядчиков и урегулировать конфликты на стройке. Я не умел только одного: успокаивать плачущих детей.

— Эй, — сказал я неуклюже. — Ну, тихо... не плачь...

Она заплакала еще громче.

Я беспомощно оглянулся на мальчика. Он смотрел на меня с каким-то странным выражением — не то с осуждением, не то с пониманием.

— Ее Катей зовут, — сказал он тихо. — Она боится темноты. И чужих людей. И когда мамы нет. И еще...

Он запнулся, посмотрел на сестру, потом на меня.

— У нас там кот остался. Бегемот. Он когда пожар начался, испугался и выскочил в подъезд. Мы его не нашли... Он теперь на улице, один, холодно, и дом сгорел... Он пропадет...

У мальчика дрогнул голос. Он сдерживался изо всех сил, но нижняя губа предательски тряслась.

— Он старый уже, — добавил он шепотом. — Ему одиннадцать лет. Он без нас не выживет.

Катя, услышав про кота, зашлась в новом рыдании.

— Бегемо-о-отик! Я хочу к Бегемотику!

Я смотрел на них и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Квартира сгорела, мать в больнице, вещи — все там. Да еще и кот, который шарахнулся от огня и убежал в ночь. Кот по имени Бегемот. Конечно. А как еще.

— Как выглядит? — спросил я.

Мальчик поднял на меня глаза.

— Черно-белый. Толстый такой. Одно ухо порванное, он в детстве дрался. И голос у него громкий, будто ругается.

— Запомню, — сказал я. — Завтра съездим, поищем.

— Правда? — Катя перестала плакать, смотрела на меня с такой надеждой, что у меня свело челюсть.

— Правда.

Она шмыгнула носом.

— А ты... не чужой?

— Я дядя Давид, — сказал я. — Уже почти не чужой.

Она подумала секунду, потом забралась под плед, свернулась калачиком, уткнулась носом в подушку.

— Дядя Давид? — спросила сонно.

— М?

— А мама правда завтра приедет?

— Правда.

— А Бегемота найдешь?

— Найду.

— А ты нас не выгонишь?

Я слотнул.

— Не выгоню.

Она закрыла глаза. Через минуту дыхание стало ровным.

Я сидел на краю своей кровати, в своей спальне, посреди ночи, и смотрел на двух спящих чужих детей. Горел прикроватный светильник. За стеной дулась Лиза. Наверху спала дочь, которую я толком не видел четырнадцать лет. Где-то в клетке шуршал Морфей. А в моем списке неотложных дел на завтра значились: больница, поиски жилья для этой семьи, разборки со страховой, погорельцы, полиция, и — пятнистый толстый кот с порванным ухом по имени Бегемот.

Я умел решать много задач параллельно, но перечисляя в голове план действий, невольно гулко сглотнул. Лиза говорит, «Жизнь ее к такому не готовила»? Так вот меня тоже... меня тоже.

Я встал, выключил свет, вышел в коридор. Прикрыл дверь, оставив щелку — чтобы было не темно, если она проснется.

И побрел обратно на диван, проваливаясь в тревожную, рваную пустоту до утра.

Визуалы.

А вот и наши детки-конфетки!

Дима, 9 лет. Серьезный, вдумчивый, привыкший быть «главным мужчиной» в семье. Увлекается динозаврами и конструктором, шалит редко и по делу — только если надо защитить сестру или кота. За свою серьезность иногда кажется старше, но на самом деле просто очень ответственный.

Катя, 4 года. Маленький ураган в розовых резинках. Обожает рисовать (езде), задавать вопросы (бесконечно) и обниматься (внезапно и крепко). Шалит преимущественно творчески: разрисовала обои, отстригла кукле волосы, спрятала пульт — но с таким невинным лицом, что ругать невозможно.

И мама Алины.

Таня, 37 лет. Бывшая жена Давида, мать Алины.

Профессиональная искательница просветления, которая сбежала от реальности в «духовность», прикрывая красивыми словами о карме и потоке тотальное нежелание заниматься дочерью. Настраивала Алину против отца годы, но как только та стала проблемным подростком — мгновенно «отпустила с любовью» и спланировала Давиду.

Глава 7

Я лежал на диване, глядя в темный потолок, и пытался понять, в какой именно момент моя жизнь превратилась в цирк шапито.

Еще утром я с удовольствием ехал в офис и планировал рабочий день. Встречи, звонки. Потом можно было съездить в спортзал. Вечером — виски, фильм, тишина.

Я строил эту жизнь пятнадцать лет.

Кирпичик за кирпичиком. Сначала бизнес, чтобы никогда не зависеть ни от кого. Потом дом — моя крепость, моя территория, мои правила. Я нанял Галину Петровну, чтобы в доме было чисто, но при этом меня никто не трогал. Я купил кожаный диван, на котором удобно валяться с пивко и смотреть футбол.

Я не хотел семьи. Точнее — я перехотел. После Тани, после долгих лет борьбы за право видеть собственную дочь, после бесконечных женщин, которым нужен был не я, а статус, деньги или просто загс — я выстроил идеальную систему. Никаких лишних людей. Никаких обязательств. Никакого хаоса.
 Чисто для здоровья и разбавить одиночество, типа Лизки. Хотя... Эта попалась крайне пристающая и задержалась дольше других.

Система работала безупречно.

До сегодняшнего вечера.

Я закрыл глаза и попытался перемотать пленку. Когда именно все пошло под откос?

Когда я переступил порог и услышал визг Лизы? Нет, это были цветочки.

Когда в дверь позвонила Алина с клеткой и крысой? Вот тогда система дала первую трещину.

Но я еще держался. Я даже сбежал — тактически, красиво, под благовидным предлогом. Я ехал решать конкретную проблему. Это было в рамках правил.

А потом Олеся подняла на меня глаза, полные отчаяния, и сказала: «Вот их отец».

И система рухнула. Вся моя броня, которую я растил столько лет. В один миг.

Как так?
 Один взгляд. Она была такая маленькая, беспомощная. И эти глаза. Я наверное никогда не забуду. Я забыл, как дышать. Я, взрослый мужик, я испугался.

А теперь я лежал на своем дорогом диване, в своем доме, а в моей спальне спали двое чужих детей. У них не было ничего, кроме пижам и пакета с вещами, которые успела сунуть сердобольная соседка. У них больше не было дома. У них не было отца. У них была только мать, которую увезли в больницу с отравлением дымом, и старый рыжий кот, шархнувшийся от огня в ночь.

И я.

Человек, который полтора месяца назад наорал на их мать в трубку и сказал: «Не нравятся — съезжайте».

Я перевернулся на бок, куртка сползла на пол. Подтащил ее, накрылся с головой.

Мысли все крутились, не давая уснуть.

В голове пульсировало: «Ты не готов. Ты не умеешь. Ты не справишься».

Я не знал, чем кормить детей. Я не знал, во сколько их укладывать и нужно ли читать им на ночь. Я не знал, что делать, если они заболеют или поранятся или просто проснутся среди ночи и спросят, где мама.

Хотя нет, последнее я уже узнал. Оказалось, что достаточно просто сидеть рядом и не выключать свет.

Я вздохнул, перевернулся на спину.

Вроде несложно.

Самое смешное — или самое страшное — что где-то глубоко внутри, под слоями усталости, раздражения и паники, шевелилось что-то еще. Что-то, чему я не мог подобрать названия. Не гордость — какая, к черту, гордость. Не радость — с ума сойти, какие радости?

Может, просто удивление.

Я всегда хотел большую семью. Трое детей, шум, гам, беготня. Пятнадцать лет назад я мечтал об этом. А потом жизнь научила меня, что мечты — опасная штука. Что безопаснее не хотеть. Не ждать. Не надеяться.

Я выучил этот урок на твердую пятерку.

И вот, пожалуйста. Трое детей. Свалившихся на голову в одну ночь. Старшая — дочь, которую я почти не знаю и которая смотрит на меня как на врага. И двое мелких, спящих сейчас в моей кровати, которые смотрят на меня как на восьмое чудо света.

Ни того, ни другого я не заслуживаю.

Но выбора, кажется, уже нет.

Я закрыл глаза.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь — Лиза выходила в туалет или на кухню за водой. Я притворился спящим. Не было сил объясняться, оправдываться, уговаривать.

Пусть злится. Пусть хлопает дверьми. Пусть даже уйдет — может, это было бы к лучшему.

Я вдруг поймал себя на мысли, что думаю о Лизе как о проблеме, а о детях в моей спальне — как о... не знаю. О задаче. О миссии. О чем-то, что нужно решить, починить, спасти.

Смешно. Я же не спасатель. Я строитель. Я умею возводить стены, а не пробивать их.

Но сегодня я почему-то пробил. Причем головой.

И теперь в моем доме — трое детей, крыса Морфей, скандальная любовница и ни одного детского кресла в машине.

Я усмехнулся в темноту. Видимо, так выглядит мой персональный ад. Уютный, одноэтажный, с кожаным диваном и панорамными окнами.

Добро пожаловать, Веденеев, добро пожаловать.

Глава 8

Утро наступило слишком рано. И слишком громко.

Сначала я услышал топот. Маленькие ножки пробежали по коридору туда-сюда, потом обратно. Потом хлопнула дверь ванной. Потом еще топот.

Я попытался зарыться лицом в диванную подушку, но это не помогло.

— Дядя папа! — звонкий голос Кати ворвался в мое сознание, как беспрестанно дребезжащий звонкий колокольчик. — Дядя Давид, а где завтрак?

Я открыл один глаз. Передо мной стояла Катя в моей футболке, которая свисала с нее почти до пят. Футболка была белая, дизайнерская, и стояла не одну сотню евро. На ней уже красовалось пятно от чего-то коричневого.

— Ты что ела? — спросил я хрипло.

— Шоколадку, — радостно сообщила Катя. — Там на столике лежала.

Я застонал. Это были шоколадные конфеты, которые Лиза привезла из прошлой поездки. Ручная работа, бельгийский шоколад, по пятнадцать евро за штуку. Для чего-то они были ей нужны... Видимо, не судьба.

— А Дима где? Ты почему одна? — спросил я, садясь.

— Он стесняется. А Бегемота не нашли. Дядя Давид, а вдруг он никогда не найдется?

Глаза ее тут же наполнились слезами.

Вот чего-чего, а женских слез я не терпел, пусть даже этой мадмуазель всего лет 5.

— Найдется, — буркнул я, вставая. — Обещаю. Сделаю.

Я прошел на кухню, включил кофемашину. Катя увязалась без конца трещащим хвостиком.

— А можно мне тоже кофе? Мне иногда дают, с молоком.

— Нет, — отрезал я.

— А почему?

— Потому что маленькая.

— А чай?

— Чай можно.

— А с сахаром?

— Можно.

— А с печеньем?

Я вздохнул. Кофе еще не сварился, а я уже устал.

— Посмотрим.

— На что посмотрим? — ребенок был чумаз, растрепан, но крайне доволен жизнью.

В гостиную вошел Дима. Вид у него был потерянный.

— А как нам попасть домой, чтобы Бегемота поискать?

— Решим, — повторил я, стараясь, чтобы голос звучал увереннее. — Сейчас кофе выпью и поедем искать.

— А мама? — спросила Катя. — Мама сегодня приедет?

Я замер. Черт. Олеся. Надо звонить в больницу.

— Позвоню сейчас, узнаю.

Я взял телефон, нашел в истории вчерашний звонок бабы Зины, набрал. Долго никто не брал, потом ответил сонный голос:

— Алле?

— Зинаида Петровна, это Давид, хозяин 28-й квартиры. Вы не знаете, в какую больницу Олеся увезли?

— А, милоч... — баба Зина закашлялась. — В первую городскую, сказали. Ты это... детки-то как?

— Нормально, — сказал я, глядя на Катю, которая уже залезла на стул и пыталась достать печенье из верхнего шкафчика. — Разбираюсь.

— Ну, дай бог. А я всю ночь не спала, все думала, как они там...

— Спасибо, Зинаида Петровна. Я позвоню еще.

Я сбросил вызов и набрал справочную первой городской. Пока слушал автоинформатора, Катя добралась до печенья и теперь сидела на полу, рассыпая крошки по всей кухне.

— Приемное отделение, — ответил усталый женский голос.

— У вас вчера ночью поступила Олеся... — я запнулся. — Фамилию не знаю. С отравлением дымом, с пожара.

— Много у нас с пожара, — вздохнула женщина. — Опишите.

— Лет тридцать, светлые волосы, снимала квартиру на...

— Сергеевы мы, — вовремя подоспел Дима. Я кинул на него быстрый взгляд. Умный мальчик. Толк будет.

— Олеся Сергеева.

— В терапии она, третье отделение. Состояние стабильное, сегодня перевели из реанимации. Если динамика будет положительная, то дней через четыре-пять выпишут.

Моя рука, невольно дрогнув, ослабла и резко опустилась. Зажатая в ней кружка с кофе громко звякнула о столешницу, правда не разбилась. Вот только кофе брызнул во все стороны. Я, словно в замедленной съемке опустил голову, глядя, как бурые пятна расползаются по моим джинсам, а рот невольно выдавал то, что меня так шокировало:

— Как четыре-пять дней...?

Глава 9

Я рвано вдохнул.

— Спасибо.

— А вы кто ей? — спросила женщина.

— Я... — я посмотрел на Диму, который стоял в дверях и смотрел на меня с надеждой.

— Я дядя. Дети у меня.

— Передать что-нибудь?

— Скажите, что дети в порядке. И кот... кот пока не нашелся, но ищем.

Женщина хмыкнула в трубку.

— Передам. Вы это... присмотрите там за мелкими. У неё никого, она говорила.

— Присмотрю, — сказал я.

Положил трубку. Катя уже успела запачкать стену на кухне шоколадным пальцем. Рисовала цветочек.

— Катя, — сказал я устало. — Зачем?

— Красиво же, — объяснила она. — Чтобы у тебя тут весело было. Очень некрасиво все и скучно.

Дима подошел, взял тряпку и молча начал стирать. Катя надулась.

— А мама?

— Мама вечером приедет, — сказал я. — В больнице сказали, что она поправляется. Так что сначала мы ищем кота, потом едем за мамой.

— Ура! — закричала Катя и бросилась мне на шею.

Я едва успел подхватить. Она повисла, обхватив меня ручонками, и вдруг я почувствовал, что это не так уж противно.. Даже учитывая, что ребенок весь перемазан шоколадом, стало даже немного тепло

— Дядя Давид, — сказала она мне в ухо. — А ты хороший. Не как папа.

Я замер.

— А что папа?

— А папа нас бросил, — просто сказала Катя. — Ушел к другой тете и больше не приходил. А мама плакала.

Я посмотрел на Диму. Он отвел глаза.

Вот так. Не только у меня жизнь — куча проблем на квадратный метр. У каждого своя.

— Ладно, — сказал я, осторожно ставя Катю на пол. — Чистить зубы, одеваться, и едем спасать Бегемота.

Она убежала. Дима подошел ближе.

— Дядя Давид, — сказал он тихо. — А если мы его не найдем? Он старый, он без нас... — голос дрогнул.

— Найдем, — сказал я твердо. — Я обещал. А я свои обещания держу.

Дима посмотрел на меня долгим взглядом и кивнул.

— Я верю. И я тоже буду искать! — сказал он. — Я хорошо ищу.

— Договорились.

Я налил себе кофе, наконец-то. Сделал глоток. В голове пульсировало: больница, кот, дети, Лиза, Алина, Лиза, дети, кот — круговорот! И где, черт возьми, носит этого мохнатого засранца... Реально же можем и не найти...

— Дядя Давид! — заорала Катя из ванной. — А где мое полотенце?

Я закрыл глаза.

Доброе утро, Веденеев.

— Сейчас я тебе дам! — крикнул я и сделал еще один глоток кофе, мысленно готовясь к новому кругу ада.

И в этот момент в кухню вошла Лиза.

Она была как всегда идеальна. Волосы уложены, макияж свежий, шелковый халатик перетянут на тонкой талии. Ни следа вчерашней истерики. Ни намек на бессонную ночь.

Она остановилась в дверях, окинула взглядом разрисованную стену, рассыпанное печенье, меня — помятого, небритого, в той же одежде, что и вчера — и улыбнулась.

Той самой своей светской улыбкой, от которой у меня обычно все сжималось внутри. Но сейчас в ней было что-то другое. Холодное. Оценивающее.

— Доброе утро, Родичка, — сказала она приторно сладко.

Я напрягся.

— Доброе.

Она подошла к кофемашине, налила себе эспрессо в крошечную чашечку, которую привезла из Милана. Сделала глоток. Поморщилась.

— Пережарили зерна, — заметила она. — Горчит. Не заказывай больше у них кофе.

Я промолчал. Какой к черту кофе? Или она решила начать издалека?

— Значит, так, — Лиза поставила чашку на стол и сложила руки на груди. — Я подумала. Всю ночь думала, между прочим.

— И?

— И я приняла решение. — Она посмотрела на меня в упор. — Я остаюсь.

Я моргнул.

— В смысле?

— В прямом. — Лиза повела плечом, поправляя халат. — Ты, конечно, идиот. Ты тащишь в дом непонятно кого, не советуясь со мной. Ты позволяешь какой-то девке с крысой хамить мне в моем же... ну, в доме, где я, надеюсь, не последний человек. Ты исчезаешь посреди ночи и возвращаешься еще с двумя детьми, как бездомный кот с помойки с дохлой мышью в зубах.

Она говорила это спокойно, будто обсуждала погоду.

— И что? — спросил я хмурясь на такие сравнения.

— А то. — Лиза улыбнулась, но глаза остались холодными. — Кто-то должен следить, чтобы ты совсем не свихнулся. Кто-то должен контролировать процесс. Ты без меня пропадешь, Веденеев. Ты даже яйца пожарить не можешь нормально, что уж говорить про детей.

Она взяла свою чашку и направилась к выходу. У двери остановилась, обернулась.

— И еще. Эту стену пусть твоя Галина Петровна отмывает. Я не горничная.

И вышла.

Я остался стоять посреди кухни, чувствуя себя так, будто меня переехал каток, а потом аккуратно поставили на место.

Почему-то сейчас я вообще не был рад такому повороту сюжета. Лиза со мной не первый месяц. Но сейчас почему-то хотелось от нее других слов и поддержки. Она же словно сделала мне одолжение, да еще и так, что я должен остался. И я примерно представлял сколько это может мне стоить. От этой мысли глоток кофе показался действительно отвратным.

Из ванной донеслось:

— Дядя Да-а-а-вид! Я замерзла-а-а-а!

Из коридора — голос Лизы, обращенный к Кате, неожиданно мягкий:

— Детка, ну кто же так моется? Пойдем, я покажу, где полотенца. И вообще, ты зачем взяла без спроса футболку Давида? Это неправильно. Ты должна носить свои вещи. Сними сейчас же, где твой чемодан? Я помогу подобрать тебе образ...

Я выглянул в коридор.

Лиза вела Катю за руку в свою комнату, и Катя послушно шла, даже не пытаясь вырваться.

Дима стоял у лестницы, наблюдая за этой картиной.

— Она злая? — спросил он тихо, кивая на Лизу.

— Сложный вопрос, — сказал я честно. — Но с тушенкой не едят.

Дима не понял, но кивать не стал.

Я допил остывший кофе, надел куртку и взял ключи.

— Так, народ! — крикнул я в глубину дома. — Через пятнадцать минут выезжаем! Кто не готов — едет в пижаме!

Из комнаты Лизы донеслось:

— Никто никуда не поедет, пока я не сделаю детям прически! Вы посмотрите на этот ужас!

Я посмотрел на Диму. Он пожал плечами.

— Бабы, — сказал я философски.

— Ага, — согласился он.

И мы пошли ждать, пока женщины закончат свои важные дела.

Впереди был новый день. Поиски кота Бегемота, больница, разборки с пожарными, страховой, полицией. И где-то там, на втором этаже, принципиально не выходила на шум Алина, которая еще может даже не подозревала, что теперь у нее теперь есть названные брат и сестра.

Доброе утро, Веденеев.

Доброе, твою мать, утро.

Глава 10

Через сорок минут мы наконец выехали.

В машине было тесно. Катя сидела сзади в детском кресле — Лиза каким-то чудом уговорила соседку дать на время, пока не купим свое. Рядом с Катей пристроился Дима, пристегнутый обычным ремнем. На переднем сиденье, рядом со мной, восседала Лиза — накрашенная, надушенная, в идеальных джинсах и кашемировом свитере.

Алина даже не спустилась со второго этажа, демонстративно заперев дверь и врубив какой-то тяжелый рок на максималку.

Я, естественно, настаивать не стал.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я поехала? — спросила Лиза, поправляя зеркало заднего вида, чтобы видеть себя и подкрашивая губы.

— Нет, — честно ответил я.

— Вот и правильно, — кивнула она, будто я сказал «да». — Без меня вы этого кота в жизни не найдете. Я умею убеждать людей.

Я промолчал. Зато Катя сзади обрадовалась:

— Тетя Лиза, а вы правда умеете убеждать? А котиков? А Бегемот — он толстый, его надо долго убеждать, чтобы он вышел!

— Детка, — Лиза обернулась, — я убедила дядю Давида купить диван за пол миллиона, который он терпеть не может. Так что с котом справлюсь.

Я скрипнул зубами. Диван я действительно терпеть не мог. Но это была отдельная история.

Мы въехали в город. Знакомые улицы сменились кварталами, где я не был годами. Вот школа, где я учился. Вот загс, где мы с Таней расписывались. А вот и тот самый дом.

Выглядел он удручающе.

Три верхних этажа были черными от копоти. Несколько окон выбито. Вокруг — оградительная лента, пожарная машина, толпа зевак и пара полицейских.

— Ой, — сказала Катя тихо. — А наш дом... он страшный стал.

— Ничего, — ответил я. — Починят.

— А наши вещи? — спросил Дима. — Они... сгорели? Мой компьютер?

Я посмотрел на него в зеркало. Он держался молодцом, но голос дрогнул.

— Не знаю, пацан. Посмотрим.

Я припарковался у тротуара. Мы вышли. Катя вцепилась в мою руку мертвой хваткой. Дима оглядывался по сторонам, высматривая черно-белое пятно.

Лиза достала из сумки платок и прикрыла нос.

— Боже, как воняет. И как здесь люди живут?

Я промолчал. Люди здесь жили вполне себе обычно. До вчерашнего дня.

— Бегемот! — закричала Катя. — Бегемотик, ау!

— Тише ты, — шикнул Дима. — Он испугается и не выйдет.

— А как тогда?

— Надо звать ласково.

— Бегемотик, ласковый, выходи! — заорала Катя еще громче.

Прохожие оборачивались.

Я вздохнул и пошел к подъезду. У входа стоял полицейский, молодой парень с усталым лицом.

— Мужик, туда нельзя, — сказал он. — Опасно.

— Я хозяин квартиры на втором, — показал я документы. — И у них там кот остался. — кивнул на детей.

Полицейский посмотрел на Катю, которая уже начала хлюпать носом, на Диму с его серьезным лицом, на Лизу, которая делала вид, что она здесь просто случайная прохожая.

— Кот? — переспросил он.

— Черно-белый, толстый, Бегемот зовут, — сказал Дима. — Он старый, ему тринадцать лет. Он без нас пропадет.

Полицейский вздохнул.

— Ладно. Только быстро. В доме воды по щиколотку как тушили. Вряд ли он там. Вы во двор идите, там вчера все кошки округи собирались.

Мы обошли дом. Сзади был небольшой дворик-колодец, заваленный какими-то ящиками и мусором. И тут действительно было полно кошек. Три или четыре сидели на помойке, две грелись на солнце у стены, одна спала в картонной коробке.

— Бегемот! — закричала Катя и рванула вперед.

Я едва успел поймать ее за капюшон.

— Стоять. Распугаешь всех или упадешь.

— Но он же там! — Катя тыкала пальцем в сторону помойки.

Я присмотрелся. Черно-белый. Толстый. Сидит на крышке бака и смотрит на нас с таким выражением, будто мы ему должны миллион.

— Похож? — спросил я у Димы.

Дима сощурился.

— Не знаю. Он далеко. Бегемот, иди сюда!

Кот даже ухом не повел. Сидел, нагло щурился на солнце.

— Это не Бегемот, — сказала Катя уверенно. — У Бегемота нос черный, а у этого розовый.

— Нос? — переспросил я.

— Да. Он всегда нос в молоко макает, вот он и черный.

Логика железная. Я решил не спорить.

Мы пошли дальше. Заглядывали под кусты, под машины, в подвальные окна. Лиза брезгливо обходила лужи, прижимая платок к лицу. Катя бегала и кричала «Бегемотик!» на разные голоса. Дима молчал и искал сосредоточенно, как заправский сыщик.

Я уже начал терять надежду, когда мы дошли до старого сарая в углу двора. Дверь была приоткрыта.

— Там, — сказал Дима шепотом. — Я слышал.

Мы замерли. Из сарая доносилось тихое, жалобное «мяу».

Катя рванула вперед, я за ней. Внутри было темно, пахло сыростью и мышами. В углу, на старом матрасе, сидел черно-белый кот. Толстый. С порванным ухом. И смотрел на нас с таким видом, будто мы опоздали на полчаса, и он уже собрался уходить.

— Бегемотик! — Катя бросилась к нему, упала на колени и обхватила кота руками.

Кот заорал дурным голосом, но не сбежал. Только посмотрел на меня с укоризной: «Ну и где вас носило?»

— Нашелся, — выдохнул Дима. Голос у него дрогнул, но он сдержался. Подошел, погладил кота по голове. — Дурак ты, Бегемот. Мы же волновались.

Кот довольно зажмурился и замурчал так громко, что в сарае стало шумно.

Я стоял и смотрел на эту картину: два перемазанных ребенка, счастливо тискающие черно-белого облезлого кота. Лиза стояла на пороге, брезгливо поджав губы. И вдруг я поймал себя на мысли, что улыбаюсь.

Вот черт.

— Ладно, — сказал я. — Герой найден. Валим отсюда, пока окончательно не угваздались.

Катя подхватила кота на руки. Кот был раза в два больше ее, но она держала его как родного.

— Дядя Давид, а он поедет с нами?

— А куда он денется.

— А он не нагадит в машине?

— Нагадит — будешь убирать, — сказал я.

— Ладно, — серьезно кивнула Катя.

Мы вышли из сарая. И тут Бегемот, видимо, решил, что с него хватит приключений. Он вывернулся из Катиных рук, спрыгнул на землю и... побежал обратно.

— Стоять! — заорал я и рванул за ним.

Началась цирковая сцена. Я бегал за котом по двору, спотыкаясь о ящики и коробки. Бегемот уворачивался с ловкостью профессионального хулигана. Катя визжала. Дима пытался зайти с другой стороны. Лиза стояла в сторонке и снимала все на телефон.

— Лиз, твою мать, не снимай, лови давай!

— Я не могу, у меня кашемир! — ответила она, продолжая снимать.

В какой-то момент Бегемот запрыгнул на помойку, оттуда — на забор, и замер, глядя на нас сверху.

— Бегемот, — сказал я, пытаюсь отдышаться. — Слезай. По-хорошему.

Кот моргнул.

— Будет тебе и вискас, и китикэт. Самый дорогой. И лоток с нормальным наполнителем, не эконом вариант. Уж поверь.

Кот подумал, подумал, да и спрыгнул обратно. Прямо мне на руки.

Я поймал его, чудом удержав равновесие. Он был довольно тяжелый.

— Зараза ты черно-белая, — выдохнул я.

Бегемот замурчал и ткнулся мордой мне в подбородок.

— Дядя Давид, — сказала Катя, подбегая. — А он тебя любит!

— С чего ты взяла?

— Он же к тебе пошел. А не к тете Лизе.

Лиза фыркнула и убрала телефон.

— Кошки меня не любят. У них нет вкуса.

Мы пошли к машине. Я нес Бегемота, Катя держала меня за руку, Дима шел рядом и серьезно рассказывал, чем кормить старого кота. Лиза семенила сзади и жаловалась, что испачкала туфли.

И вдруг я понял, что впервые за утро не думаю о проблемах. Не думаю как о проблемах: о Лизе, об Алине, о сгоревшей квартире, о разборках со страховой.

Я думаю о том, как объяснить ветеринару, что кот ел последние сутки. И где взять лоток в воскресенье. И как разместить в машине четверых людей и одно черно-белое, чумазное чудовище.

Нормальные мужские заботы.

Я улыбнулся.

Веденеев, ты точно с катушек слетел.

Глава 11

Больница встречала запахом хлорки, лекарств и казенного равнодушия. Я ненавидел больницы. Еще с тех времен, когда лежал с аппендицитом в двадцать лет. С тех пор ничего не изменилось.

— С котом нельзя, — рывкнула вахтерша на входе, едва завидев Бегемота, который сидел у меня на руках и с интересом крутил головой.

— Он не просто кот, — начал было я.

— Сказала нельзя — значит нельзя. У нас тут стерильность. И вообще карантин! Где ваши бахилы?

Бегемот, будто поняв, что речь о нем, громко мяукнул и попытался перелезть мне на плечо. Когти впились в куртку.

— Больно, зараза, — прошипел я.

— Дядя Давид, не ругай Бегемотика, — Катя дернула меня за штанину. — Он же волнуется.

— Все волнуются, — вздохнул я.

Лиза, наблюдавшая эту сцену с безопасного расстояния, брезгливо поморщилась.

— Я останусь в машине, — объявила она. — Там хоть не воняет больницей и нет этой... живности.

Она посмотрела на Бегемота так, будто он был разносчиком чумы, и элегантно выплыла на улицу.

— Тетя Лиза не любит котиков? — удивилась Катя.

— Тетя Лиза любит только себя, — буркнул я и осекся. Не при детях же. — Ладно, неважно. Пойдем пешком.

— А Бегемот?

Я оглянулся на вахтершу. Женщина лет пятидесяти с суровым лицом смотрела на нас без капли жалости.

— Слышь, начальник, — сказал я тихо, подходя ближе. — Там у женщины пожар был. Квартира сгорела. Дети ночь без мамы. А это кот — единственное, что от дома осталось. Если я его тут оставлю — он сбежит, и детей можно будет в психушку сдавать. Нам надо-то на полчаса. Я под свою ответственность.

Я незаметно протянул руку со свернутой купюрой и засунул женщине в карман.

Вахтерша посмотрела на Катю, которая уже начала шмыгать носом, на Диму с его серьезными глазами, на меня с облезлым котом на руках.

— Черт с вами, — махнула она рукой. — Только быстро. И чтоб по углам не шлялся, этот ваш...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.